на вздыбленном коне и вонзает копье в раскрытую пасть змия. Но в византийской иконе хрупкая, нервная фигурка Георгия изображена в состоянии крайнего напряжения, в момент, когда исход единоборства не определился. В новгородской иконе Георгий и его конь полны неотвратимой решимости и стремительного порыва. Здесь не может быть сомнений в том, что змий будет убит и уничтожен. Весь композиционный строй иконы с ее обобщенными тугими дугами усиливает впечатление непреодолимой силы натиска героя.

В русской иконописи XV—XVI веков нередко изображается житие Георгия и других святых. Но по сравнению с погодинским Георгием понятие о подвиге и мученичестве в них решительно иное: в новгородской иконе Георгия с житием на Рогожском кладбище[1] на первый план выдвигается не бесстрастное равнодушие Георгия к претерпеваемым им физическим страданиям, а его нравственное благородство, самообладание, верность долгу, ласковое отношение к людям. Видимо, в задачи создателей этих икон входило слить воедино представление о Георгии как змееборце, которое отвечало эпическим народным идеалам, с представлением о нем как о мученике, которое целиком укладывалось в рамки церковной морали. В иконе Георгия на Рогожском кладбище, равно как и в знаменитой новгородской иконе Федора Стратилата, в ряд житийных клейм, посвященных мученичеству, вставлена сцена змееборства.[2]

Но самое примечательное, что создано было в древнерусской живописи в этой области, это иконы на тему «Чудо Георгия о змии». Следование каноническим иконографическим типам ничуть не исключало живого творчества и изобретательности древнерусских мастеров. Этим объясняется, что среди многочисленных русских икон Георгия почти не встречается точных повторений.[3] Каждый мастер вносил новое в разработку традиционного сюжета.

В одной иконе попираемого Георгием змия оседлал маленький чортик — быть может, намек на причастность змия к дьявольской силе, о которой речь идет в житиях святого.[4] В другой иконе с головы Георгия спадает шлем, быть может, потому, что изображение его трудно было сочетать с круглым нимбом, к тому же после победы голова святого должна быть венцом увенчана.[5] В ряде икон змий с широко раскрытой пастью поднимает голову к голове коня, заглядывает ему в глаза, словно вступая в прения с ним.[6] В ряде других икон Георгия встречает толпа; люди выражают свое восхищение победой, — это напоминает духовные стихи, где девицы поют Георгию славу, отдавая «землю светлорусскую» под его «покров».[7] Этот мотив придает сцене змееборчества характер всенародности. Наконец, в одной небольшой иконке XVI века подвиг Георгия похож на сказочный турнир, которым любуется царь с царицей со своими боярами и дружиной.[8]

---

[1] Снимки древних икон и старообрядческих храмов Рогожского кладбища в Москве. М., 1913, табл. 2.

[2] А. И. Анисимов. Новгородская икона св. Федора Стратилата. Ярославль, 1918, стр. 11, ср. стр. 13 и др.; А. Веселовский (ук. соч., стр. 50) отмечает, что и в житиях Георгия чудо о змии занимает неустойчивое положение.

[3] Лишь в одной очень архаичной иконе XVI века «северных писем» можно видеть копию погодинской иконы (M. Alpatov und N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, рис. 280).

[4] А. Грищенко, ук. соч., стр. 180. Ср. тексты у А. Кирпичникова (ук. соч, стр. 110), А. Рыстенко (ук соч., стр. 25).

[5] В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина..., рис. 21.

[6] Там же, рис. 20, 21. Ср. текст XVI века: А. Рыстенко, ук. соч, стр 29: «змий... рече яко человек».

[7] А. Щапов, Сочинения, I, стр. 66.

[8] И. Грабарь. История русского искусства, VI, стр. 259. Образ иноземцев перед воротами крепости восходит к новгородским житийным иконам XVI века вроде Николы